

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/480251>

Иван-царевич и Серый волк

Направленность: Слэш

Автор: [Artaniel](https://ficbook.net/authors/63094) (<https://ficbook.net/authors/63094>)

Фэндом: Народные сказки, предания, легенды

Пейринг или персонажи: Серый волк/Иван-царевич

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Ангст, Юмор

Размер: Мини, 10 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном. И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками. Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать...

Посвящение:

Сказка – ложь, да в ней намёк,
Добрым молодцам урок.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

"Что за прелесть эти сказки!"

Другие публикации:

http://snapetales.com/index.php?fic_id=21937

<http://ru.fanfiktion.net/s/532b1f020000089b27122165/1/lvan-carevich-i-Seryj-Volk>

<http://desu.moy.su/forum/44-368-1>

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Жалкие останки коня валялись на шелковой траве, и смотреть на них было тошно. Белокурый юноша поморщился от запаха свежей убоины, да отступил в сторонку. В сторонке обнаружили ещё кости, правда, старые уже, временем выбеленные.

- Видать, на камнях дорожных не только надписи похабные для озорства пишут. Иногда, их, надписи, читать надо, - пробормотал сам себе юноша, ясно припомнив покосившийся камень у дороги. Он-то проскочил мимо, глянул мельком да ещё огрызком яблочным напоследок метко запустил. Как раз в строчку «Налево пойдёшь – коня потеряешь». И, зачем, спрашивается, пошёл налево? Хотя... неизвестно ещё, что остальные надписи гласили. Может, во сто крат гаже. А то, чего доброго, пошёл бы, к примеру, прямо, да и сам бы сейчас вот так лежал с развороченным нутром. Хмыкнул отрок своим мыслям, посмотрел на белёсый, дождями вымытый да ветрами высушенный конский череп и почти примерился поставить на него ногу (леший его знает, зачем, наитие какое-то!), как услышал позади себя негромкий смешок.

- Так, так. И кто же это к нам пришёл?

Неприятный был голос. Сухой, насмешливый, да сипловатый, будто сорвал его хозяин на полном крике. С хозяином такого голоса дружеских бесед вести неохота... Однако юноша храбро обернулся и встретился взглядом с волком.

Волк стоял в сторонке, чуть склонив набок лобастую башку, и хищно рассматривал незваного гостя. Здоровенная была зверюга – вдвое больше тех волков, что ранее видеть доводилось, да шкуры которых в дары батюшке присылали. Понятно теперь, что с конём приключилось. Зверь этот и приключился. Страшный. Хищный. И красивый какой! Светло-серый, мохнатый, грудь широкая, с палевым отливом, лапы мощные. А глаза жёлтые, что морской камень илектр, и язык алым сполохом огня за сахарными клыками прячется.

- Ты тут специально коней стережёшь? – полюбопытствовал юноша, не пытаясь ни убежать, ни в неравный бой вступить. – А надпись на камне придорожном не твоя ли тоже работа?

Волк ушами прянул, сморгнул и вроде как оторопел малость. Добрые люди-то от него, понятное дело, всегда бежали, сломя голову, а мальчишка стоит напротив, глаз зелёных не отводит, да ещё и беседу ведёт!

- Вот делать мне больше нечего, как камни расписывать- буркнул Волк, так и не решив, что с наглцом малолетним делать. – И не стерегу я никого. Бежал мимо, от голода живот подвело, а твоя животина тут гуляет без присмотра. А ты вообще кто такой, человеке? Смотрю, храбрый слишком. Или две жизни намерено?

- Жизнь одна, - солнечно улыбнулся отрок, плеснул в волка чистой зеленью смеющегося взгляда. Коварной, пряной, какая по весне плавает кругом, да разум туманит. И горит тогда тело от злой сладкой силы, хочется плясать, в лапах путаясь, ловить собственный хвост да выть на луну. – Одна, а другой и не надобно. Эту бы так прожить, чтоб было что вспомнить, да другим рассказать. А зовусь Иваном.

- Царевич, поди, - хмуро уточнил Волк, окончательно увязая в беседе. Теперь уж точно не сожрать. Как убьёшь, когда слова его слушал, когда видел глаза зелёные, да вдохнул запах горячего молодого тела, щедро солнцем напоенного.

- Верно, - не стало отказываться царское дитяtko. – А как ты догадался?

- В самом деле, как это я догадался? - волк-то он волк, а яду в голос подпустил, аки гадюка лесная беззаконная. – Сам чист да ухожен. Кафтан золотом шит, сапожки сафьяновые, кожа белая и пальцы ровно у девки, нежные да тонкие...

Царевич быстро глянул на узкие свои ладони и расхохотался в голос.

- Силён ты, однако, сударь мой. Как величать-то тебя?

- Как, как... Серым волком. И прекрати заливаться, а то съем, - волк подошел поближе, привёл юношу в чувство хлёстким ударом хвоста по ногам. – Отвечай, куда путь держишь?

- Да я сам толком не ведаю, - признался Иван, внезапно уселся на траву, скрестив ноги, похлопал рядом с собой, волка приглашая. Волк подумал-подумал, лапой махнул да и плюхнулся сбоку от царевича. – Но вышло это так...

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

- Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

- Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

- Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

Царевич в ответ, дескать, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад...

- Неужто не заснул? – хохотнул волк. – Поди, прилечь-присесть боялся, да росой с травы умывался, чтобы сон долой?

Иванушка в ответ только головой мотнул, упала на глаза золотая чёлка.

- Ну уж, вспомнил методы дедовские... Всегда можно развлечение себе найти, чтобы не до сна было.

И размечтался на минутку, припомнив, как скользил пальцами по своему телу белому, как стонал да задыхался в сладких яблочных ароматах, да чьи руки вместо своих воображал... Тут волк его снова хвостом пригладил, мол, давай дальше. Пришлось к прежнему рассказу возвращаться.

И вдруг посреди ночи – в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Села на яблоню Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

- Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

- Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Вот в одно прекрасное время царю и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

- Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую. Попросился за ними и Иван-царевич, а отец ему говорит: - Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен.

Однако сколько царь ни старался удержать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его по его неотступной просьбе. Иван-царевич выбрал себе коня и поехал в путь, сам не зная куда.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. Приустал, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит - коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня - одни кости обглоданные.

- Дурак ты, Иван, - от души высказался волк после недолгого раздумья. – Тебе-то за каким лядом эта птица сдалась? Пусть бы братья сами и пластались.

Царевич глянул на волка как-то туманно, но тут же блеск глаз ресницами острыми пригасил, обхватил себя руками за плечи, будто зазяб среди лета.

- Надоело мне, Серый, сидеть сиднем у батюшки в терему, да балду гонять. По весне новой два десятка стукнет, а я ничего в жизни не видывал.

- А что ты увидать-то хочешь? – желчно переспросил волк, виды как раз выдавший.

Царское дитяtko на это ничего не ответило, опять умолкло, затуманилось и в свои мысли ушло. Ох, мать честная, да что с этим блаженным делать?! Сгинет ведь к лешему, как и не жил на белом свете...

- Ладно, - решил волк, звонко клацая страшными зубами у самого уха царевича, длинной висячей серьгой отягощённого. – Раз по вине моей ты коня лишился, помогу тебе. Отвезу за Жар-птицей. Садись на меня, – и оскалится.

Сказать по правде, надеялся Волк, что на это приглашение любезное отрок отказом ответит. В самом деле, какой человек в разуме согласится на спину зверю хищному, злонамеренному, по доброй воле сесть да позволит увезти себя за тридевять земель, на верную погибель? А Иванушка опять его удивил. Одарил улыбкой солнечной, вскочил на ноги, да ловко, словно всю жизнь тем и занимался, оседлал широкую спину зверя. Ещё и за шею, оглоед, руками обхватил. Покуда Серый бурчал да с лапы на лапу переминался, царевич вовсе уютно угнездился. Мягко, удобно. И шерсть такая густая, жаркая, ладони в ней так и тонут. Ещё очень хотелось почесать волка за ухом, но юноша руки неугомонные придержал, подозревал, что Серый на такую вольность обидится, и чего доброго с собой брать передумает.

«Попал ты Серый, как кур в ошип», - стукнулась было в волчью голову тревожная мысль, но задержаться там не успела и не уцепилась даже – рванул зверь с места в галоп, только ветер свистнул, да трава испуганно полегла. И исчез из виду. Вместе с юным царевичем.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый волк и поскакал - синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом заметаёт. Долго ли, коротко ли, а спустилась ночь...

- Слазь, приехали...

- Куда приехали? – встрепенулся задремавший под ровный мягкий ход Иван. Это вам не на коне трястись, у волка лапы мягкие, так и качает, так и баюкает... - Где мы?

Волк в ответ проворчал нечто неразборчиво, царевич, парень догадливый, переспрашивать не стал. Осмотрелся – лес кругом, резной, тёмный. По небу луна бежит,

сквозь крону различимая. А волк сидит в стороне, да тяжело дышит, язык бархатный вывалив. Иван разом про красоту лесную позабыл.

- Ох, Серый... загонял я тебя?!

- Не то, - и голос вроде хриплее да ниже стал. И глаза странно поблескивают. – Сам виноват. Не подумал, какое нынче время. Дай посижу, пусть ветерком обвеет. А ты огонь бы что ли развёл. Озябнешь, чадо домашнее...

Царевич сразу про жалость забыл да иголки выпустил. Тоже такое словцо вернул, что волк лишь одобрительно языком прицокнул. Но костерком занялся. И так вдруг ладно у него это вышло! Вот вам и нежное царское дитяtko...

Только волку от ветерка легче не сделалось. Лёг, голову на лапы положил. Дышит сипло, бока ходят, что твой кузнечный мех. Тут уж Иванушка не на шутку всполошился. Подошёл ближе, присел на корточки.

- Эй, Серый, да что с тобой?

Волк усмехнулся про себя невесело, расслышав в голосе мальчишки страх. Добился своего, напугал, наконец. Да только теперь нет с того никакой радости.

- Уйди ж ты, бестолочь беспутная, за ради матери-сырой земли! Не видишь – лихо мне!

- Ну дак я помогу чем...

- Чем поможешь? Луну остановишь? Луна нынче полная, гон, позабыл я о том... Ох-х, батюшки...

Отпихнул зверь царевича, да с места прыгнул в сторону. Даже не прыгнул, а бросил сильное тело из последних сил, стремясь уйти, скрыться, но не смог. Настигла луна и обычную шутку сыграла. Мешком свалился волк в траву да завыл – застонал. Не как зверь. Как человек.

Иван, о землю с волчьего удара здорово приладившись, и о боли забыл - замер на месте, не зная, что делать – самому бежать, волка ли спасти. Глянул вверх, а там сквозь прорези лесной кроны холодный насмешливый лик луны на него любит. Полный да круглый. Смотрит и будто усмехается недобро. Обругал царевич луну вполголоса окаянною, снова к волку обернулся, и вовсе к своему месту прикипел. Не зверь уже в траве корчился. Человек. Тут вспомнил царевич, как в заморской книжке читал о таких людях, что о полной луне волками оборачиваются, всякие непотребства да смертоубийство чинят. Вот оно значит, что. Не всё врут иноземцы. Не сладко оборотню при луне. Ишь, как его, сердечного, корёжит...

- Серый, а Серый... Да ты скажи, что надо сделать-то? Давай за водой сбегаю?

- За что мне лихо это? - а голос прежним остался, хриплым да колючим. Человек корчиться-стонать перестал, лежит себе в траве, дышит тяжело, с присвистом, словно несколько часов кряду поле без лошади пахал. – Одного только коня и загрыз, а за него кара такая лютая - разлюбезный царский сын... Не подходи! – рыкнул как в бытность свою зверем, когда Иванушка поближе подполз. – Не подходи лучше. А то...

- А то - что? – уточнил отрок любознательный. Спросили бы потом у Ивана, что ему такое в голосе Серого по телу мягкой лапой проехалось, отчего кожа морозной дрожью пошла, и кровь по жилам быстрее заструилась – не ответил бы. Но пошёл на этот голос, как очарованный, память теряя.

- Съем, - серьёзно ответил на это человек и поднялся из травы, будто вырос на ровном месте.

Глянул Иван, и глаз отвести не может. Хорош парень из волка получился. Волосы в пояс, цветом как шкура до того – серебряные. Плечи широкие, кожа смуглая влажно блестит, мышцы под ней как живые так и гуляют. А в поясе тонок, словно девка, и бёдра узкие... А между ними в полной красе и возбуждении... ну что ж, понятное дело – полнолуние.

Зарделся Иванушка ясной зарёю. Глянул на него Серый и подумал, что сейчас-то уж точно сбежит отрок, и к бабке не ходи. А царевич ничего. Придвинулся ближе, дыхание затаил, да легонечко так указательным пальцем до устремлённой вверх головки дотронулся. Тут уж Серого самого в жар бросило. А Иванушка сообразил, что делает всё верно, ствол смело обхватил, да давай рукой шуровать.

- Шустрое дитяtko у царя-батюшки, – ощерился Серый. Подцепил Ивана сильными тёплыми пальцами за подбородок, заставил поднять голову. – А говорил – жизни не видывал... Неужто в родительском терему научился?

- Дурное дело нехитрое, - отозвался отрок, снизу вверх в лицо бывшего волка глянул, губы тонкие острым язычком облизал. А сам всё ближе да ближе подбирается. И прежде чем Серый опомниться успел, так и вовсе на колени встал да ожёг живот жадными губами, словно варом на голую кожу плеснул. Охнул волк, зубы сцепляя, схватил пальцами хрупкие плечи – оттолкнуть от себя, отстранить, отбросить, да не успел. Упустил тот единственный момент, в который мог ещё с собой совладать. А потом уже и не до отталкивания стало. Топил пальцы в шёлковом золоте царевичевых волос да отдался на волю рта его губельного, языка змеиноного.

Иванушка-то не то чтоб в этом деле большой мастак был, но нрав отчаянный здорово помог. И шибко ему нравилось глядеть сквозь ресницы, как Серый нижнюю губу кусает, стараясь не стонать громко, как тугие бёдра его под руками дрожат мелко, как плоть жаркая каменеет уже до невозможности.

- Ну, будет, - Серый рывком поднял царевича, прихватив за руку повыше локтя, поставил напротив себя, заглянул в глаза пытливо. Царевич лишь рассмеялся тихонько, руку отнял, мокрый припухший рот тыльной стороной ладони отёр, да и как-то так ловко из одежды выскользнул, словно змея из старой шкурки. Волка прямо качнуло. Царевич-то у батюшки с матушкой удался, любо-дорого поглядеть – белокож, аж в темноте светится, ладно скроен, гибок, тростинка вольная. И волосы пшеничного золота по плечам выются. И глаза словно камни самоцветные, только не холодные да мёртвые, а ярим огнём горящие. Весёлые глаза. Опасные. Для одиноких волков – так и особенно.

- Что же мне с тобой делать?

Не отвечает. Смеётся. А сам отступает шаг за шагом, да на траву у костра догорающего и опускается, руки тонкие за голову закидывая, словно приглашая телом своим полюбоваться, поклониться ему дорогими дарами, улестить да облелеять... Серый и спорить не стал. И поклонился, и облелеял, ни клочочка кожи не пропустил языком да пальцами. Царевич уж и понять не мог, на каком свете находится, стонал, всхлипывал, путался пальцами в серебре длинных волос, обвинял сильное тело ногами. Не сопротивлялся, пока Серый гнул его, как хотел, вылизывал там, где хотел. Подался навстречу, когда вонзился в него неистовый хищник, а уж взвыл так – волк позавидовал. А Серый дышал сипло, целовал белые дрожащие плечи и перед последним рывком успел подумать, что свою Жар-птицу точно отыскал...

Наутро добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

- Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся, час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем - на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. И забыл, что волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

- Чей ты, откуда?

- Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

- Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

- А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

- А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Идет Иван-царевич к серому волку. А волк ему:

- Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

- Ну, прости же ты меня, прости, Серый волк.

- То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

- Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку - она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

- Чей ты, откуда?

- Я Иван-царевич.

- Эка, за какие глупости взялся — коня воровать! Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Вернулся Иван-царевич ни с чем к Серому волку...

- Ты что, нарочно это делаешь? — рычал Серый, вколачиваясь в покорное тело. И вроде как наказывал, да только что это за наказание, когда удовольствие от него — до искр из глаз? А неугомонный царевич лишь охал, цепляясь за своего зверя с судорогой в пальцах, да глаза зеленущие блаженно жмурил. И смеялся. Дескать, нарочно — не нарочно, не твоего, Серый, ума. А взялся помогать — помогай и не пищи. Кто ж виноват, что каждый день с тобой — радость огромная, что сил нет отпустить от себя? Обидно, если дело такое плёвое выходило... Только человеку не зря разумение дадено. Было бы желание — любому делу помеху можно сообразить. А желание есть. Такое желание — до слёз и дрожи, до темноты в глазах и головокружения.

Вскрикнул тут Иванушка подбитой птицей — от мыслей ли своих, от движений ли Серого - руки уронил, словно позабыв разом, как дышать — бьётся, корчится, да рот беззвучно раскрывает. Как тут опять не помочь отроку, не прижаться ко рту пересохшими искусанными губами, не вдохнуть его жара. И ощутить в ответ движение встречное и скорее почувствовать, чем услышать: «Мой»...

Опять поскакал Серый волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

- В этот раз я тебя не пущу, сам пойду.

Перемахнул Серый волк через стену - да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину - и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его Серый волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый волк ему:

- Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой - синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана.

Серый волк спрашивает:

- Что, Иван-царевич, приумолк?

- Да жалко Елену Прекрасную на коня менять.

Серый волк отвечает:

- Спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

- Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит - волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

На всякий случай улепетнули изрядно. Кто знает, может царя кондратий и не сильно прихватил, очухается да затеет погоню. Царевич златогривого коня в поводу тянул, сам с волком не расставался. Ну, понятное дело, скоро и вымотались все трое. Нашли место для стоянки. Отрок без сил скатился на мягкую траву, упал ничком, руки во все стороны раскинул и глаза закрыл. Дескать, помираю, братушки, не поминайте лихом. Серый уж и коня к сладкой траве перегнал, и уздечку умудрился зубами к сучку примотать, и ухо мохнатое на случай погони к земле приложить, а он всё валяется и не дышит вроде как. Крепился Серый, крепился, а не выдержал.

- Эй, горе моё, ты не помер ли?

Подошёл осторожно, мягкой лапой в бок потыкал. И как буря налетела - обвилились вокруг мохнатой шеи тонкие руки, с неожиданной в хрупком теле силой заставили припасть на передние лапы. И майское безумие глаз прямо напротив. И поцелуй прямо в холодный мокрый нос. И смех серебряный.

- Ага! Попался, волчара страшный... Нет тебе теперь спасения...

- Поглядим ещё, - зарычал грозиво волк, одним тычком лапы снова опрокидывая мальчишку на спину, навалился жарким мохнатым телом. Но и парень не лыком шит – бока зверя коленями стиснул, извернулся, и глядь – уже сам волка к земле прижимает. Говорят, не умеют волки смеяться? А что тогда за звук такой странный со звонким смехом царевича смешивается?

- Ай, ладно! Твоя взяла! Ай, щекотно! – хохотал царевич, раз и навсегда побеждённый, прижатый к земле. А Серый, поперёк него тяжёлой тушей завалившись, знай, вылизывает шершавым языком щёки и шею парня. А Ивану много ли надо? Чего возню со

зверем затеял? Теперь только жмуриться, да прятать лицо в пряной шерсти, да смотреть жалобно, авось, сообразит зверюга, что с побеждённым сделать надлежит... И соображает, ходок волчара-то! Стала вдруг сильнее да жарче тяжесть большого мохнатого тела, дрожит, словно над костром, воздух и – глядь – не зверь прижимает юношу к траве всем телом, а человек. Вместо мохнатой шкуры – гладкая кожа, вместо мягких лап – сильные пальцы. Только глаза те же – ярые, звериные, да язык так же ловок и остёр. А что тот язык с телом царевича вытворяет – и вовсе словами не сказать. Потому что одежда во все стороны размётана, потому что руки сплетены, потому что тела воедино слиты. А там пусть хоть мир обрушится...

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

- Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него - конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а Серый волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

- Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Ох, пора лапы уносить. Пока силы ещё есть. Пока сердце способно разлуку вынести и не разорваться на клочья кровавые.

На что ты, Серый, губу раскатал? На сокровище зеленоглазое? Куда тебе с чугуном-то рылом... Таких холить надо, лелеять, на шёлка спать укладывать, с серебра кормить. И деву надо ясную, а не бродягу лесного, холодом да голодом выбеленного.

- Теперь прощай, мне дальше идти нельзя, - хмуро произнёс волк, глаза пряча. - Не поминай, Иван, лихом.

Парень замер, медленно опустил руку. Поводья сами выскользнули из разжавшихся пальцев. Конь златогривый, вскинул гордую голову, но Елена Прекрасная бока его каблучками ловко стиснула, поводья перехватила, да вроде как невзначай в сторонку и отъехала. Славная оказалась царевна. Весёлая, живая. И понятливая. Кажись, даже чересчур. А Иван всё на волка смотрит.

- Ты чего это, Серый? Али на солнце перегрелся?

Голос как всегда искрится, словно готов парень расхохотаться в любую минуту, а в лице вдруг ни кровиночки. Да глаза смертельно зеленеют.

- Пора мне, - Серый ловко отступил, из последних сил не замечая потянувшейся к нему руки. Потому как знал – одно прикосновение, и он задуманного не выполнит. И более того, завалит царевича прямо на этой поляночке. Жар-птице, коню да царевне на диво... Ан и неплохо бы, чтобы вытянулось личико её румяное, чтоб вылезли на сахарный лоб лазоревые глазоньки, чтоб знала, курва, кому принадлежит чудо зеленоглазое...

- Серый... ты, поди, бросить меня решил? – настырный отрок намёк понял. Руку убрал. И уколол взглядом, словно стрелу вонзил. – Али наигрался уже, а, Серый?

- Сожрать тебя надо было, Ванька, - выдохнул волк, позорно отступая от хрупкого юноши, которого мог бы одной лапой перебить. – Загрызть сразу и горя не ведать. Прощай.

И полегла-застонала трава под ударами могучих лап, попятилось за облако солнце, на серебряной шкуре оскользнувшись. Закрывать глаза, моргнув, открыть – а зверя уже и след простыл, как и не было.

- Ох ты, бестолочь мохнатая, - пробормотал Иван. Сорвал травинку, прикусил ровными зубами, глаза прищурил. Не искрился больше. И стал разом вдвое старше. – Что же мне теперь делать-то?

Сел Иван-царевич на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехал он до своих краев, вздумалось ему отдохнуть.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят - у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

- Давай уьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устрашили ее:

- Дома не сказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал Серый волк и схватил ворона с вороненком.

- Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк спрыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой - Иван-царевич ожил.

Зябко.

Тело свело. Руки-ноги не слушаются. Голова тяжкая, словно наковальня, и гудит, как молотом кузнечным её охаживают. И тоска неприятная когтистой лапой сердце стиснула, да отпустить не желает.

Глаза бы открыть. А нет сил, и воли не осталось. Лишь смутная память о потере какой-то. Вот память эта и толкает. Вставай, Иван-царевич. Вставай, да иди дальше. Найди свою потерю. Ведь счастья твоего никто кроме тебя не вернёт.

А трава такая мягкая. Пушистая да шёлковая, будто и не трава вовсе. Утопил Иванушка в ней пальцы, потянулся и лицо спрятать, да вдруг опомнился. Рванулся вверх всем телом, а смог лишь шевельнуться да охнуть жалобно. Потому как вспомнил острие меча, грудь пронзающее. Боль страшную. Холод мертвенный. И последнее о чём подумал – где ты сейчас, волк мой...

Зябко.

Зябко от смертного сна пробуждаться.

- Ох, мать честная... разоспался – тела не чувствую... - пробормотал оправдываясь, утонул лицом в шерсти.

- И то... славно вздремнул, - криво усмехнулся волк, пряча глаза, ткнулся холодным носом царевичу в висок. Как бы забыть теперь кровь на траве и волосах золотых, да разрубленную грудь, да равнодушное солнце в мёртвых стеклянных глазах. Как забыть собственный страшный вопль, когда понял, что опоздал, что не поддался раньше невнятной тревоге, заставившей назад повернуть, что не успел чего-то главного сказать. Бросился в бессильной смертельной тоске да ярости на ворон, к очам весенним подбирающихся, ан и нарвался на чудо. Вот и выходит, что у кого-то птица счастья прекрасная синяя певунья, а твоя - чёрная, насквозь мертвечиной пропахшая. Ну, да и

леший с ним, главное, что чудо вот оно. Живое. Родное. И уж слезами взор затуманило, как вдруг тонкие пальцы со знакомой силой вцепились в волчью шерсть по бокам головы, у самых ушей, заставили смотреть в глаза. Иван дышал тяжело с присвистом и смотрел на волка тяжким взглядом. Зрачки такие широкие, что потонула в них зелень, оставив лишь яркий ободок.

- Перекидывайся.

- А? - оторопел волк, от неожиданности острые уши к голове прижимая. Вроде как и струхнул даже.

- Перекидывайся, сказал! - царевич резко оттолкнул зверя от себя, встал на колени, да начал яростно одежду на себе рвать. Тут волк бедный и вовсе соображения решил. Сам не заметил, как человеческий образ принял, потому что обрушилось на него гладкое нагое тело, самой лихорадки горячее. Жи-во-е...

Охнуть не успел, а уж обняло его плоть восставшую нетерпеливое дрожащее тепло.

Царевич всхлипнул, дёрнулся, губу закусил, а сам всё глубже да глубже насаживается.

- Что ты творишь, оглашённый, - сумел прорычать Серый, хватая мальчишку за бёдра, сжал пальцами посильнее, чтоб охладить малость головушку буйную. – Поди, больно...

Царевич зашипел, дёрнулся в железных руках. И как что из себя выдохнул.

Расслабились в камень сведённые мышцы под пальцами Серого, запрокинулась назад солнечная голова. И зазвенел-засеребрился победный смех. Как раньше. Словно не было травы кровавой и чёрных ворон. А и полно... были ли? Сказки. Сказки бабкины...

- Нет, Серый. Это помирать больно. А жить, Серый, хорошо. Хо-ро-шо!

И преодолевая неискреннее сопротивление, рывком опускается ещё ниже, разом принимая в себя суть звериную. Легко, уверенно, будто так и надо. И плывет майская зелень, и щекоchet-заливается беззаботный хохот.

- Хорошо! А-ах... хоро...

Иван-царевич сел на Серого волка, волк побежал с ним в государство царя Берендея и - долго ли, коротко ли - прибежал к городу. Иван-царевич слез с Серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, увидел, что брат его женится на прекрасной царевне Елене. Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидела его, тотчас выскочила из-за стола и закричала: «Вот мой спаситель Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!»

Тогда царь встал с места и начал прекрасную царевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было; как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь весьма осердился на сыновей и посадил их в темницу. И жили с тех пор все мирно и счастливо.

Серый волк себя в городе и без того хреново чувствовал, а как вся эта суматоха с изобличениями началась, и вовсе чуть не помер. Елена верещит, царь-батюшка очами грома-молнии мечет, братья с перепугу белого свету не видят – ещё бы, мертвец карать их заявился. А сам Иван бледный, страшный, да натянутый, как тетива на луке. Словом, мрак кромешный. А когда всё разрешилось да стали победителя чествовать, волк и вовсе о пощаде взмолился. Дескать, сил нет, на волю бы мне. Царевич и дозволил ему уйти. Оттого на сердце теперь омут чёрный, куда последняя радость жизни и канула. Отпустил. Что же, так тому и быть.

Бежал волк, сам не ведая куда. С одной целью – бежать, пока лапы бегут, пока грудь не

разорвало, а там упасть да сдохнуть. Как вдруг – что такое? Знакомый след. Только недавно где-то такой узор подковы зрел. Сбавил ход. Прошёл по следу. Так и есть, мать честная! Конь златогривый гуляет. И презрительно так на волка посматривает. Сел волк на задние лапы, пытаюсь передними протереть глаза. Понятное дело, в том не преуспел, зато уверился, что не морок зловерный поймал, и ума не решился, а видит то, что есть. Припал брюхом к траве, прополз вперёд, притаился за кустом и узрел чудо чудное, диво дивное. Вот тут сердце и впрямь чуть грудь изнутри не разнесло, но волку того уже было не надобно.

Раскинулось по траве нагое стройное тело. Размётаны лучами солнечные волосы. Глаза весенние полуприкрыты, из-под ресниц таинственно поблескивают. Нижняя губа чуть прикушена. И скользит по коже узкая ладошка, небрежно лаская да оглаживая.

- И за что ты невзлюбил меня, Серый волк, - пропел мягко отрок, всё так же туманно глядя в сторону, да продолжая неспешно себя услаждать. – Так и норовишь повалить да бросить одного, никому не нужного... А я ведь, Серый, царский сын. Нельзя со мной так.

- Я же говорил – сожрать, - безнадёжно проворчал Серый, выходя из засады. Поближе подобрался, поймал жадными ноздрями тягучий запах вожделения. – Скольких бы треволнений избежал...

- Ну, не поздно ещё, - беззаботно откликнулся царевич. Глаза свои проклятые распахнул и на волка уставился, словно капканом железным схлопнул. И из капкана того не спастись, отгрызай лапу – не отгрызай. – Чего ждешь – давай. Видишь, готов уже.

- К поеданию? – усмехнулся Серый, человеком опускаясь возле него на колени.

Наклонился, накрывая нежную кожу щекотным покрывалом длинных волос.

- Ежели сейчас же не возьмешь – лучше сожри, - истово решил царевич, поймал сильную руку и ловко себе между бёдрами пристроил. Сам охнул, да застонал, а Серый так и вовсе поплыл, лишь ощутил под пальцами атласную твёрдость да дрожь мелкую.

- А Елена Прекрасная как же?

- А Елену батюшка себе забрал, - отмахнулся царевич. – Ну, чего уставился? Он ведь не стар ещё. А тут отведал золотого яблочка, и силу мужскую обрёл пуще прежней. С чего ты думал, весь сыр-бор? Яблочки-то у нас не простые... Серый, а Серый... Я, конечно, понимаю, что ты от меня без ума и всё такое... но ты рукой-то шевели! Или не обессудь – мне как раз у постели шкуры на пол не хватает. Ноги по зиме так стынут...

- Беса тебе лысого, - буркнул Серый, - у меня не застынешь.

А дальше уж он и не говорил ничего. Потому как рот занял делом более полезным да сладким. Тут и сказке конец. А что там по усам текло да в рот не попало – не нашего уже ума дело.